

*Мистические
истории*

*Истории,
рассказанные
после ужина*

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111+821.111(73)
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)-44
М 65

Перевод с английского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

- © С. А. Антонов, составление, 2024
- © С. А. Антонов, комментарии, 2009, 2018, 2022, 2023, 2024
- © С. А. Антонов, перевод, 2022, 2023, 2024
- © И. М. Бернштейн (наследник), перевод, 2024
- © Л. Ю. Брилова, перевод, 2003, 2024
- © А. М. Бродоцкая, перевод, 2018, 2024
- © И. Г. Гурова (наследник), перевод, 2024
- © Г. Н. Клепцына, перевод, 1989, 2024
- © И. Ю. Куберский, перевод, 2004, 2024
- © Е. В. Матвеева, перевод, 2023, 2024
- © В. Б. Полищук, перевод, 2017, 2024
- © Н. Ф. Роговская, перевод, 2022, 2023, 2024
- © С. Л. Сухарев (наследник), перевод, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-24913-4

Джозеф Шеридан
ЛЕ ФАНИЮ

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЗАДИРА

Около трех десятков лет назад жил в городе Чейплизоде парень строптивного нрава, здоровый как бык; он был хорошо известен под прозвищем Задира Ларкин. К его недюжинной физической силе добавлялось еще и изрядное мастерство в кулачном бою — одного этого хватило б, чтобы его все боялись. Так он сделался деревенским тираном и вел себя как настоящий самодур. Уверенный в своем превосходстве и безнаказанности, он подло и нагло помыкал односельчанами, а они ненавидели его даже больше, чем боялись.

Не раз он намеренно затевал ссоры, желая показать на ком-нибудь свою удаль и свирепость; в таких схватках побежденный противник неизменно получал — в назидание зрителям — «урок», после которого оставались нередко неизгладимые шрамы и увечья.

Задире Ларкину ни разу не пришлось встретить настоящего соперника. При подавляющем превосходстве в весе, силе и умении Ларкин побеждал всегда уверенно и легко, и чем проще давалась ему очередная сокрушительная победа, тем больше он пыжился и наглел. Ларкин сделался у всех бельмом на глазу; его боялись все матери, имевшие сыновей, и все жены, мужья которых не любили безропотно сносить обиды или хоть немного рассчитывали на свои кулаки.

Так вот, в то же время жил в Чейплизоде молодой парень по имени Нед Моран, более известный как Длинный Нед — это прозвище он получил за свою вытянутую, долговязую фигуру. Ему сравнялось девятнадцать, и он был, в сущности, еще мальчишкой, двенадцатью годами младше здоровяка Ларкина. Это, однако, как убедится впоследствии читатель, не помешало скандалисту вести себя с Недом так же, как и со всеми прочими, — подло-вызывающе. Длинному Неду, на его беду, приглянулась одна милостивая девица, которая, несмотря на то что ее благосклонности добивался Задира Ларкин, была расположена ответить взаимностью более молодому сопернику.

Не стоит говорить о том, с какой легкостью ревность, однажды вспыхнув, разгорается пламенем и как естественно для грубых, необузданных натур прибегать в этом случае к насилию.

Задира дождался удобного случая и спровоцировал ссору с Недом Мораном, когда тот в компании друзей сидел в пивной; в ходе ссоры Ларкин постарался нанести сопернику такие оскорбления, каких не станет терпеть ни один мужчина. Длинный Нед, хотя и был добродушным простаком, все же не относился к робкому десятку и ответил, не в пример своим боязливым сотоварищам, с вызовом, чем обрадовал врага, который втайне того и дожидался.

Задира Ларкин вызвал героического юношу на бой, дабы осуществить свое давнее намерение и подвергнуть хорошенькое личико соперника кровавой, калечащей экзекуции — на такое он был мастер. Используя в качестве предлога ссору, им же самим затеянную, Ларкин скрыл за ней свою давнишнюю злобу и враждебное предумышление, и Длинный Нед, распаленный благородным гневом, а также пуншем с виски, в тот же миг принял вызов. Компания в сопровождении толпы

слуг и мальчишек — короче, всех, кого в ту минуту не призывали неотложные дела, — медленно двинулась через старые ворота в парк «Феникс»; вблизи верхушки холма, у подножия которого лежит Чейплизод, было выбрано ровное место, где и предстояло разрешиться спору.

Участники боя разделись; при виде контраста между худощавым и хрупким телом юноши и мускулистым, мощным сложением бывалого бойца даже ребенку стало бы ясно, что шансы бедного Неда Морана ничтожны.

Были назначены «секунданты» и «помощники» — из числа любителей этой забавы, — и «бой» начался.

Не стану испытывать нервы читателя описанием этой хладнокровной расправы. Итог оказался таков, какого все ждали. К одиннадцатому раунду бедняга Нед отказался от предложения сдаться; его могучий противник, хотя и в изрядном подпитии, оставался нетронутым и, бледный от бешеной — и еще не утоленной — жажды мести, должен был испытывать удовольствие при виде соперника, сидящего на коленях у секунданта: голова Неда свешивалась, левая рука болталась как плеть, лицо превратилось в бесформенную кровавую лепешку, раны на судорожно вздымавшейся груди кровоточили, все тело содрогалось от ярости и изнеможения.

— Нед, мальчик, сдавайся! — в один голос кричали многие из его приверженцев.

— Никогда, — хрипло и глухо отвечал он.

Перерыв кончился, секундант поставил Неда на ноги. Пыхтя и шатаясь, ослепленный собственной кровью, заливавшей лицо, Нед представлял собой беспомощную мишень для ударов дюжего противника. Ясно было: чтобы сбить юношу с ног, достаточно легкого касания. Но такой безобидный исход дела не устраивал

Ларкина. Он не собирался завершить бой одним ударом, который, сразу повергнув Неда на землю, раньше времени положил бы конец избиению; Ларкин прибег к особому «захвату», известному любителям кулачного боя под приятным названием «тиски», то есть зажал левой рукой голову своего потрепанного и почти бесчувственного противника и принялся размеренными жестокими ударами вгонять кулак ему в лицо. Из толпы раздались крики «позор»: все видели, что избиваемый потерял сознание и только мощная левая рука Задиры Ларкина не дает ему упасть. Раунд и бой закончились тем, что Ларкин швырнул противника на землю и взгромоздился коленями ему на грудь.

Задира Ларкин поднялся и запятыми руками отер пот со своего бледного лица, а Нед остался недвижно лежать на траве. Поднять его на ноги к следующему раунду не удалось. Тогда его отнесли вниз, к пруду, который находился у старых парковых ворот, и там омыли ему голову и все тело. Ко всеобщему удивлению, Нед оказался жив. Его доставили домой, и через несколько месяцев он отчасти пришел в себя. Но с кровати Нед с тех пор не поднимался и меньше чем через год умер от чахотки. Никто не сомневался относительно происхождения его болезни, но, чтобы связать причину и следствие, недоставало доказательств, и негодяй Ларкин ускользнул от правосудия. Однако его ожидало другое, необычное возмездие.

После смерти Длинного Неда Ларкин стал меньше буянить и сделался угрюм и нелюдим. Иные говорили, что происшедшее его «проняло», другие — что его мучает совесть. Но, как бы то ни было, здоровье Ларкина из-за предполагаемых душевных мук не пострадало, равно и его благосостояние не претерпело ущерба от неистовых проклятий, которыми непрерывно

осыпала Ларкина мать бедного Морана; напротив, Задира даже пошел в гору: он получил постоянное и хорошо оплачиваемое место по ту сторону парка, при садовнике главного секретаря Министерства финансов. Жил Ларкин по-прежнему в Чейплизоде и по окончании рабочего дня обычно возвращался домой пешком через Пятнадцать Акров.

Дело было поздней осенью, года через три после упомянутого выше трагического случая; однажды ночью Ларкин, против обыкновения, не вернулся в дом, где квартировал, и за вечер ни разу не появился также и в деревне. Поскольку возвращался он всегда в один и тот же час, то на его отсутствие обратили внимание, хотя вначале, разумеется, не встревожились; в обычное время дом закрыли на ночь, оставив припозднившегося жильца на милость стихий и попечение его путеводной звезды. Рано утром, однако, Ларкина обнаружили в совершенно беспомощном состоянии на косогоре, рядом с чейплизодскими воротами. Его разбил удар, и правую половину тела парализовало; лишь через несколько месяцев он смог хоть сколь-нибудь членораздельно объясняться.

И тогда Ларкин рассказал следующее. Его отпустили со службы, по-видимому, позже обычного, и темнота застигла его еще по ту сторону парка. Ночь стояла лунная, но по небу медленно ползли рваные облака. Ларкину не встретилось ни единой живой души; тишину нарушал лишь приглушенный шум ветра, порывами проносившегося сквозь кусты и лоцины. Эти монотонные завывания и полное безлюдье вокруг не внушили Ларкину того беспокойства, которое принято объяснять суеверными страхами, и все же на душе у него было тоскливо — «одинок», как он сам сказал. Когда Ларкин огибал холм, который возвышается над Чейплизодом, луна на несколько мгновений

выглянула из-за туч и засияла во всю силу; обводя случайным взглядом тенистое огороженное пространство у подножия, Ларкин заметил человека, который стремительно, как спасающийся бегством, перемахнул через кладбищенскую ограду и ринулся по крутому склону вверх, прямо ему наперерез. При виде подозрительной фигуры у Ларкина в памяти всплыли истории о «похитителях трупов». Но необъяснимый инстинктивный страх тут же подсказал Ларкину, что бегущий направляется именно к нему, причем с дурными намерениями.

На луну снова напоззли тучи, и Ларкин с трудом разглядел, как неизвестный на ходу снял и, по-видимому, отбросил в сторону свой просторный скюртук. Ярдах в двадцати-тридцати неизвестный замедлил шаги и стал приближаться покачивающейся важной походкой. Вновь вынырнула луна, и — милосердный Боже! — что за зрелище явилось Ларкину в ее ярком свете? Ясно, как живого, облеченного плотью, Ларкин увидел самого Неда Морана — он молча приближался с обнаженным торсом, как бы изготовясь к кулачному бою. Ларкин готов был вопить, молиться, выкрикивать проклятия, броситься через парк бегом, но не нашел в себе сил; в нескольких шагах от него привидение остановилось, изобразив на лице отвратительное подобие вызывающего взгляда, каким обыкновенно запугивают друг друга соперники перед боем. Как долго пребывал Ларкин под чарами этого потустороннего взгляда, можно только догадываться; наконец видение, кем бы оно ни было, внезапно шагнуло ближе, вытянув ладони. В инстинктивном ужасе Ларкин вскинул руку, чтобы защититься, и их ладони соприкоснулись — так, во всяком случае, думал Ларкин, потому что несказанная боль, побежав вверх по руке, сотрясла все его тело, и он упал на землю без чувств.

Ларкин прожил еще немало лет, но участь его была ужасна. Неизлечимый калека, неспособный к труду, он вынужден был, чтобы прокормиться, просить милостыню у тех, кто когда-то из страха всячески ему угождал. Все бóльшие муки причиняли ему воспоминания о таинственной встрече, положившей начало всем его несчастьям; он дал ей свое собственное — и ужасное — истолкование. Напрасны были попытки поколебать его веру в реальность призрака; столь же безуспешно пытались сочувствующие убедить его в том, что прощальный жест призрака содержал в себе и кратковременное наказание, и последовавшее за ним прощение.

— Нет, нет, — повторял Ларкин, — не то. Я хорошо понимаю, что это значит; это вызов потягаться с ним на том свете — в аду, куда я отправляюсь; вот что это такое, и никак не иначе.

Несчастный, глухой к утешениям, Ларкин прожил так еще несколько лет, а потом умер и был похоронен на том самом тесном кладбище, где покоились останки его жертвы.

Едва ли нужно говорить, что, когда я услышал эту историю, все честные обитатели Чейплизода свято верили, будто Задира Ларкин действительно получил вызов с того света и через врата ужаса, болезни и нищеты был препровожден к своему последнему, вечному обиталищу и вызов этот настиг мстительного и злобного насильника на том самом месте, где состоялся самый преступный из его триумфов.

Элизабет
ГАСКЕЛЛ

РАССКАЗ СТАРОЙ НЯНЬКИ

Да будет вам, дорогие мои, известно, что ваша матушка была сиротой, и не было у нее ни братьев, ни сестер; и, думаю, вы слышали, что ваш дедушка был священником в Уэстморленде, откуда я родом. Я училась в деревенской школе, когда однажды заявила ваша бабушка — узнать у нашей госпожи, нет ли у нее какой ученицы, чтобы можно было взять в няньки; и гордилась же я, скажу я вам, когда меня позвала госпожа и стала говорить, какая я девица — и добрая, и послушная, и шить-то умею, и родители мои уважаемые люди, пусть даже и бедные. Я подумала, что ничего не желаю сильнее, чем служить этой милой молодой леди, которая густо покраснела, ну прямо как я, когда сказала, что ждет ребенка и что мне надо будет за ним ухаживать. Однако, вижу, вам хотелось бы услышать не ту часть истории, а то, что было потом, так что к этому я сразу же и перейду. Меня взяли в дом приходского священника еще до того, как родилась мисс Розамонд (это была малютка, которую мне предстояло нянчить, — ваша будущая матушка). По правде сказать, мне мало что приходилось делать, когда она появилась на свет, потому как мать не выпускала ее из рук и все ночи была рядом с ней; и как же гордилась я, когда, случалось, миссис доверяла ее мне.

Такой малышки не было ни до, ни после, хотя все вы были по-своему милы, когда был ваш черед являться на свет; но прелестью и обаянием вы все ж таки уступаете вашей матушке. Она во всем походила на свою мать, урожденную леди Фернивалл, внучку лорда Фернивалла Нортумберлендского. Полагаю, у нее не было ни братьев, ни сестер и она воспитывалась в семье милорда, пока не вышла замуж за вашего дедушку, который был всего-навсего священником, сыном владельца магазина в Карлайле, — хотя не было на свете джентльмена умнее и порядочнее его, — и он был истовым тружеником в своем приходе, очень обширном, включавшем не только горную местность Уэстморленда, но и сопредельные с ней территории. Когда вашей матушке, маленькой мисс Розамонд, было не больше четырех-пяти лет, родители ее умерли один за другим за какие-то две недели. Ох, какое это было печальное время! Я как раз с милой молодой госпожой нянчила вторую малышку, когда вернулся домой мой господин после одной из своих долгих поездок, уставший и промокший, и подхватил лихорадку, от которой и скончался; и после этого госпожа уже не подняла головы, а только дожила до смерти своей малютки и, положив ее к груди, сама испустила дух. Моя госпожа попросила меня на смертном ложе никогда не покидать мисс Розамонд; но если б даже она ни слова не сказала, я все равно пошла бы с этой малышкой хоть на край света.

А затем, не успели еще хорошенько просохнуть наши слезы, явились душеприказчики и опекуны, чтобы разрешить все вопросы. Это были сам кузен моей бедной молодой хозяйки, лорд Фернивалл, и мистер Эстуэйт, брат моего хозяина, владелец магазина в Манчестере, тогда еще не такой зажиточный, как потом, и к тому же с большим семейством на попечении.

Да! Не знаю, было ли это их собственное решение, или так значилось в письме моей хозяйки, которое она написала на смертном ложе своему кузену, милорду, но в общем порешили, что мисс Розамонд и я должны отправиться в родовое поместье Ферниваллов в Нортумберленде, и милорд говорил, будто таково было желание ее матушки, чтобы она жила в его семье, и у него нет на этот счет никаких возражений, потому как, если там один-два лишних человека, это ничуть не скажется на таком огромном хозяйстве. Так что пусть бы я и желала, чтобы совсем иначе позаботились о моей прелестной крошке, которая была как лучик света для любой семьи, хотя бы и не такой огромной, мне было очень приятно, что все люди в Дэйле вытаращат от удивления глаза, прослышав, что я буду служанкой юной леди у милорда Фернивалла в господском доме.

Но только я ошибалась, когда думала, что мы должны отправиться жить у милорда. Оказалось, что его семья покинула ферниваллское поместье лет пятьдесят тому назад, если не больше. Я никогда не слыхала, чтобы моя бедная молодая хозяйка бывала там, хотя она воспитывалась в этой семье; и это меня огорчало, потому что мне бы хотелось, чтобы мисс Розамонд провела свою юность там же, где и ее матушка.

Камердинер милорда, к которому я осмелилась пристать со своими вопросами, сказал, что господский дом находится у подножия Камберлендских гор и что он огромен; что пожилая мисс Фернивалл, двоюродная бабушка милорда, живет там всего лишь с несколькими слугами, но это очень полезное для здоровья место, и милорд подумал, что оно очень подойдет на несколько лет для мисс Розамонд, а ее пребывание там, возможно, будет в радость престарелой бабушке.

Милорд велел мне приготовить к нужному сроку вещи мисс Розамонд. Человек он был суровый и гор-

дый (такими, говорят, были все лорды Ферниваллы), лишнего слова не проронит, все только по делу. Люди говорили, что он любил мою молодую хозяйку; но так как она знала, что его отец будет против, то якобы не стала его слушать и вышла замуж за мистера Эстуэйта. Так или иначе, но он остался холостым. Правда, он никогда особенно не интересовался мисс Розамонд, а мог бы, я думаю, если бы у него к покойнице были какие-то чувства. Он послал с нами в поместье своего камердинера, велел тому вернуться к нему в Ньюкасл тем же вечером, потому у камердинера было не так уж много времени, чтобы познакомить нас со всеми обитателями до своего возвращения; и так нас оставили, двух маленьких бедняжек (мне еще не было восемнадцати), в большом старом доме.

Кажется, будто только вчера мы туда ехали. Еще на рассвете мы покинули родной нам дом приходского священника и обе плакали так, что сердце было готово разорваться, хотя мы и ехали в карете милорда, о чем я когда-то могла лишь мечтать. И вот уже сентябрьский день пошел на убыль, и мы остановились, чтобы в последний раз поменять лошадей, в маленьком дымном городке, где жили одни углекопы и шахтеры. Мисс Розамонд заснула, но мистер Генри велел мне разбудить ее, чтобы она увидела парк и господский дом, потому как мы уже подъезжали. Мне было жаль ее будить, но я сделала, как он сказал, из страха, что он еще пожалуется на меня милорду. Последние приметы городка или даже деревни исчезли, и затем мы оказались за воротами большого запущенного парка — не такого, как здесь, на севере, а со скалами, с шумом бегущей воды, с кривыми деревьями в колючках и старыми дубами, у которых кора побелела от возраста.

Дорога шла еще около двух миль, а затем мы увидели величественный дом, окруженный множеством деревьев, которые кое-где росли так близко, что их ветки царапали стены, когда дул ветер, и некоторые висели сломанными, потому что, кажется, никто особенно не ухаживал за этим местом — чтобы там отрубить сучья или привести в порядок дорогу, покрытую мхом. Только перед самым домом все было расчищено. На большой подъездной дороге, что шла дугой, не было ни единого сорняка; и ни деревца, ни какого, там, выюнка перед длинным многооконным фасадом с флигелями по обеим сторонам, в каждый из которых упирались боковые фасады, потому что дом, хотя и пустой, был даже громадней, чем я ожидала. За ним возвышались холмы, ничем вроде не огороженные и довольно голые; а слева от дома, если встать к нему лицом, был, как я позднее обнаружила, маленький старомодный цветник. Дверь в него открывалась со стороны западного фасада; место для цветника было вырублено в темной чаще для какой-нибудь старой леди Фернивалл, но ветви больших лесных деревьев выросли и снова затенили его, и мало какие цветы могли там выжить в то время.

Когда мы подкатили к огромному входу и прошли в залу, я подумала, что мы просто потеряемся — такой она была большой, такой обширной, такой громадной. С середины потолка свисала люстра, вся из бронзы; подобной я раньше не видела и смотрела на нее с изумлением. Далее, в конце залы, был очень большой камин (таких размеров, как стены домов у меня в деревне) с массивными железными подставками для дров, а возле него стояло несколько тяжелых старомодных кресел. В противоположном конце залы, слева от входа, с западной стороны, располагался орган, встроенный

в стену, очень большой. Под ним, на той же стороне, была дверь, а напротив, по обе стороны от камина, тоже были двери, которые вели к восточному фасаду; но сколько я ни жила в этом доме, никогда через них не ходила, а потому не могу сказать, что там за ними имелось.

День подходил к концу, и зала, в которой не теплилось ни свечи, выглядела темной и мрачной, но мы там ни на минуту не задержались. Старый слуга, который открыл нам дверь, поклонился мистеру Генри и провел нас через дверь в дальней стороне от большого органа, и вслед за ним мы прошли несколько зал поменьше и несколько коридоров в гостиную на западной стороне, где, как он сказал, сидела мисс Фернивалл. Бедная маленькая мисс Розамонд тесно прижималась ко мне и выглядела напуганной и потерянной, а что до меня, то я чувствовала себя не намного лучше. Западная гостиная выглядела очень приветливо, ее согревало тепло от горевшего камина, а вокруг — много деревянной удобной мебели. Мисс Фернивалл оказалась старой леди лет, я думаю, около восьмидесяти, но точно сказать не могу. Она была худой и высокой, со множеством милых морщинок на лице, проведенных, казалось, кончиком спицы. У нее был настороженный быстрый взгляд, восполнявший, как я полагаю, ее глухоту, из-за которой ей приходилось пользоваться слуховой трубкой.

Рядом с ней сидела и корпела над большим куском гобелена миссис Старк, ее служанка и компаньонка, почти такая же старая. Она жила вместе с мисс Фернивалл еще с тех пор, как они были молоды, и теперь скорее походила на ее подругу, чем на служанку; она была такой черствой, седой и каменной, как будто никогда никого не любила, не заботилась ни о ком; и я не думаю, чтобы она заботилась о ком-нибудь, кроме

своей хозяйки, а благодаря сильной глухоте последней миссис Старк относилась к ней как к ребенку. Мистер Генри передал письмо от милорда, а затем откланялся — не обратив внимания на протянутую ему руку ненаглядной малышки мисс Розамонд — и так и оставил нас там стоять под взглядами двух старых леди в очках.

Поэтому я обрадовалась, когда они вызвали колокольчиком пожилого лакея в ливрее, который давеча открыл нам двери, и велели ему отвести нас в наши комнаты. Мы вышли из большой гостиной, миновали малую гостиную, а затем стали подниматься по большому лестничному маршу, прошли по широкой галерее, которая была чем-то вроде библиотеки (на одной ее стороне книги, а на другой — окна и письменные столы), пока не пришли в свои комнаты, которые, как я без огорчения услышала, были прямо над кухней; потому как я уже начала думать, что просто заблужусь в этом огромном доме. Там была старая детская, которая служила всем маленьким лордам и леди много лет назад; за каминной решеткой уютно горел огонь, на подставке кипел чайник, на столе были расставлены чайные принадлежности, а из комнаты вела дверь в спальню с детской кроваткой для мисс Розамонд, рядом с моей. И старый Джеймс позвал Дороти, свою жену, поприветствовать нас; и оба они были так гостеприимны и добры, что мало-помалу мисс Розамонд и я почувствовали себя как дома, и после чая малышка уже сидела на колене у Дороти и тараторила, насколько ей позволял ее маленький язычок. Вскоре я узнала, что Дороти была родом из Уэстморленда, а это нас необычайно, так сказать, сблизило; мне трудно было себе представить кого-нибудь добрее старого Джеймса и его жены. Джеймс прожил чуть ли не всю свою жизнь в семье милорда и считал, что они

самые большие люди на свете. Даже на свою жену он посматривал сверху вниз, потому что до замужества она нигде не жила, кроме как на ферме. Но он очень любил ее, да иначе и быть не могло. В их распоряжении была еще одна служанка, выполнявшая всю черную работу по дому. Они звали ее Агнесса; и вместе мы — она, я, Джеймс, Дороти, а также мисс Фернивалл с миссис Старк — составляли одну семью; не забудем и мою сладкую маленькую мисс Розамонд. Я часто спрашивала себя, что же все делали до ее появления — так много теперь они заботились о ней, и на кухне, и в гостиной. Суровая, печальная мисс Фернивалл и черствая миссис Старк — обе они радовались, когда она, как птичка, впархивала к ним, шалила и играла там и сям, не прекращая при этом весело щебетать. Я уверена, что они частенько огорчались, когда она улетала на кухню, хотя были слишком горды, чтобы попросить ее остаться с ними, и отчасти удивлялись ее вкусу, хотя, по правде, миссис Старк говорила, что тут нет вопросов, если вспомнить, каков ее отец.

Огромный старей дом со множеством помещений был превосходным местом для маленькой мисс Розамонд. Она весь его облазила (я при этом следовала за ней по пятам) — весь, кроме восточного крыла: двери здесь были всегда закрыты, и нам даже не приходила мысль туда заглянуть. Но в западной и северной части было много приятных уголков, обставленных вещами, для нас диковинными, хотя, может, они ничего и не значили для людей, которые повидали больше нашего. Окна там были затенены раскидистыми ветвями деревьев и увиты плющом, но в этом зеленом сумраке нам удавалось разглядеть старинные китайские вазы, резные ларцы из слоновой кости, огромные тяжелые книги и над всем этим — старые картины.

Помню, однажды моя дорогая Розамонд позвала Дороти пойти с нами и рассказать, кто на них изображен, потому как все это были портреты членов семьи милорда, но Дороти не могла назвать нам всех поименно. Мы миновали большую часть комнат, пока не пришли к старой, богато убранной гостиной над залой, и там был портрет мисс Фернивалл, или, как ее звали в те дни, мисс Грейс, поскольку она была младшей сестрой. Какой же она была красавицей! Но с таким твердым, гордым взглядом, с таким презрением, струившимся из прекрасных глаз; брови были чуть приподняты, как будто она вопрошала, кто это имел наглость смотреть на нее; верхнюю ее губу кривила усмешка, — мы стояли, и не могли на нее налюбоваться. На ней был наряд, каких я еще не видывала, но такова была мода в дни ее юности: белая шляпка, вроде бы из кастора, немного надвинутая на брови, с прекрасным плюмажем из перьев сбоку, и платье из голубого атласа, открытое спереди до белого пикейного корсажа.

— Да, вот оно как! — сказала я, насмотревшись на портрет. — Недаром говорят, плоть есть трава. Кто бы подумал, поглядев на мисс Фернивалл сейчас, что она была такой необыкновенной красавицей.

— Да, — сказала Дороти. — Люди ужасно меняются. Но если отец моего хозяина говорил правду, то мисс Фернивалл, старшая сестра, была красивее мисс Грейс. Ее портрет где-то здесь, но, если я покажу тебе, ты не должна никому, даже Джеймсу, признаваться, что видела его. Думаешь, маленькая леди не проговорится? — спросила она.

В этом я не была уверена, поскольку она была такой прелестной, смелой и открытой малышкой, — так что я отправила ее прятаться и затем помогла Доро-

М 65 **Мистические истории.** Истории, рассказанные после ужина : рассказы / пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, Л. Бриловой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-24913-4

В сборник вошли мистические рассказы британских и американских писателей XIX–XX веков. В литературе Старого и Нового Света всегда присутствовал интерес к страшному и сверхъестественному. Первое место в богатом репертуаре подобных тем и сюжетов, безусловно, занимают истории о привидениях, которые и стали главными персонажами предлагаемой книги. Смутные тени в старинных покоях, тревожащие новых хозяев; незримые сущности, пронизывающие все стихии видимого мира; неприкаянные души жертв и убийц; духи, спасающие смертных и губящие самонадеянных хвастунов; призраки, переживающие трудные времена в эпоху философского скептицизма, расцвета науки и триумфа техники; наконец, обычные люди, ведущие хитроумную «игру в привидений» со своими ближними, – все это и многое другое читатель найдет на страницах данного тома. Среди авторов книги – всемирно известные мастера слова (Н. Готорн, Ч. Диккенс, Г. Джеймс, Дж. К. Джером, Г. Уэллс, Д. Г. Лоуренс), корифеи жанра готического рассказа (А. Эдвардс, Дж. Ш. Ле Фаню, М. Р. Джеймс) и основательно забытые писатели (Ч. Л. Янг, Р. Малхолланд, Р. Марш).

УДК 821.111+821.111(73)
ББК 84(4Вел)+84(7Сое)-44

МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ ПОСЛЕ УЖИНА

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Лариса Дорохина, Наталья Бобкова, Иван Игнатьев

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 16.01.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вв. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская набережная, д. 12, лит. А,
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191123, Санкт-Петербург,
Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит.,
Тел. (812) 327-04-55,
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

H-AKB-33898-01-R